

Интервью с Натальей Евгеньевной ТИХОНОВОЙ

«Я ВСЮ ЖИЗНЬ ЗАНИМАЛАСЬ ТЕМ, ЧТО МНЕ САМОЙ БЫЛО ИНТЕРЕСНО И ЧТО Я СЧИТАЛА ВАЖНЫМ»

Тихонова Н. Е. — окончила философский факультет МГУ (1975 г.); доктор социологических наук (2000 г.); Высшая школа экономики, зав. кафедрой социально-экономических систем и социальной политики (2003 – 2012 гг.), профессор-исследователь (с 2012 г.); Институт социологии РАН, зам. директора по науке (2005–2012 гг.), главный научный сотрудник отдела социально-экономических исследований (с 2012 г.). Основные области научного интереса: социальная стратификация российского общества, социально-экономические последствия реформ для социальной структуры российского общества в целом и различных групп населения, социокультурная трансформация и модернизация российского общества, реформирование социальной политики и его социальные последствия.

Интервью состоялось: июнь 2014–февраль 2015 г.

Завершается апрель 2015 года, начался отчет второго десятка второй сотни проведенных интервью с советскими / российскими социологами. В рамках используемой мною поколенческой стратификации нашего профессионального сообщества, совокупность социологов, рассказавших мне о своей жизни, пути в науку и о своей исследовательской и преподавательской деятельности, может быть описана следующим образом:

Таблица 1

Поколенческая стратификация собранного массива биографических данных

Поколение	Годы рождения	Социо-хронологическое название поколения	Количество и (%) представителей поколения
Первое	1923–1934	«Шестидесятники» (1-я волна)	8 (7%)
Второе	1920-е–1934	«Шестидесятники» (2-я волна)	13 (12%)
Третье	1935–1946	Военное	24 (21%)
Четвертое	1947–1958	Первое послевоенное	28 (25%)
Пятое	1959–1970	Постоттепельное	15 (13%)
Шестое	1971–1982	Предперестроечное	16 (14%)
Седьмое	1983–1994	Дети перестройки	8 (7%)
Итого			112

Процесс интервьюирования продолжается почти одиннадцать лет и, думаю, завершится летом этого года. Зная к каким поколениям относятся социологи, с которыми сейчас проводятся интервью, можно сказать, что приведенное в Таблице 1 распределение респондентов по обозначенным семи поколениям, не претерпит значительного изменения. Пожалуй, лишь несколько увеличится пропорция социологов двух последних когорт.

Таким образом, первичная информация о поколениях практически собрана и теперь предстоит огромная работа по ее анализу и созданию портретов каждого из поколений и нашего сообщества в целом.

Наталья Евгеньевна Тихонова, интервью с которой приведено ниже, принадлежит к четвертому поколения отечественных социологов. И беседу с нею я рассматриваю с двух взаимодополняющих точек зрения: какую «новую краску» оно добавит к уже имеющемуся образу своей профессионально-возрастной когорты и не разрушит ли сказанное ею сложившееся ранее представление об этой общности. Ведь всегда приходится ожидать появления фактов такого уровня новизны, неожиданности, что они могут разрушить прежние теоретико-эмпирические построения и выводы.

В целом сообщенное Натальей Тихоновой о ее социализации и пути в социологию вписывается в семантическое пространство, образованное воспоминаниями социологов четвертого поколения. Интерес к философии, возникший как бы без каких-то видимых причин; в действительности, он может рассматриваться следствием ее начитанности и желания узнать реальную жизнь: намерение девочки из интеллигентной семьи, жившей в центре Москвы пойти после школы работать на ЗИЛе. Поступление на философский факультет и быстрое освоение правил, духа логического мышления, позволивших ей в будущем работать в разных областях знаний. Аспирантура, где интерес к обществу подвел ее от анализа проблем ноосферы к тематике «социальной экологии». Кандидатская была защищена в начале 1981 года, в ней рассматривалась история взглядов К. Маркса и Ф.Энгельса на взаимодействие общества и природы. Согласно рассказанному Тихоновой, ее исследование, в современном понимании границ и методов социологии, можно отнести к истории и методологии социального познания, или к теории социологии. И если это так, то в траектории ее движения в социологию обнаруживаются те же реперные точки, что и в биографиях представителей ее (четвертого) поколения социологов.

Правда, сама она отсчитывает свое «пребывание» в социологии с 1987 года, когда сложилось ее сотрудничество с Андреем Григорьевичем Здравомысловым. Однако в моем понимании, ее работа «в паре» с ним потому развивалась успешно, что в его коллектив она пришла с солидной социологической подготовкой. В конце 80-х лишь оформилась ее социологическая прописка, тогда как процесс вхождения в социологию начался значительно раньше. Как не вспомнить собственный опыт... Двадцатью годами раньше Тихоновой, весной 1968 года, когда я пришел к Здравомыслову и стал работать в крошечной социологической группе при кафедре марксистско-ленинской философии Ленинградской высшей партийной школы, я не знал о существовании такой науки. Замечу, многие мои коллеги-математики, принадлежащие к третьему поколению социологов, которые помогали социологам в обработке данных опросов, пребывали в аналогичном состоянии.

Каждый человек, рассказывая историю своей семьи, описывая процесс ранней социализации, получения образования, начало и развитие собственной карьеры, выстраивает нечто уникальное, единственное. Вместе с тем это уникальное во многом является цепочкой сюжетов, фактов, аргументов, часто встречающихся, повторяющихся в биографических повествованиях его коллег, прежде всего — представителей его социологического поколения. Все эти более или менее часто встречающиеся жизненные коллизии в совокупности образуют «матрицу событий», или «событийный каркас» большинства биографий. И в этом смысле все сказанное Натальей Тихоновой в полной мере укладывается в матрицу событий, присутствующих в биографических воспоминаниях социологов ее поколения. При этом в интервью видна уникальность ее жизненной траектории, удивительное погруженность в научный поиск, ее успешность в разработке многих проблем социологии.

До тех пор, пока проведенных интервью было немного, настоящий проект имел лишь одну, заданную мною направленность — историко-социологическую, но постепенно в нем «самостоятельно» раскрылось еще одно свойство, он стало историко-культурологическим. Рассказы моих собеседников о своих родителях, бабушках и дедушках, более далеких родственниках, о том, где они жили, как перемещались по стране, что им пришлось испытать в годы Революции и Гражданской войны, в период коллективизации, индустриализации и в предвоенные годы. Отдельные страницы — война: фронт, тыл, эвакуация; борьба с космополитизмом, смерть Сталина. Более ста интервью с социологами — это рассказы о многих сотнях людей, среди которых были представители знати и научной элиты, крупные офицеры и крестьяне, выпускники лучших российских и зарубежных университетов и безграмотные крестьяне. Были жители столиц и небольших провинциальных городов, северных деревень и еврейских местечек. Неожиданно для меня изучение предбиографий моих коллег дало информацию о добровольной и принудительной географической миграции населения, о социальных перемещениях.

И здесь тоже, но уже применительно ко всей совокупности моих собеседников, образовалась «матрица событий», и я каждый раз соотношу содержание новой социо-культурной информации с тем, что встречалось ранее. Особенно это касается редких событий.

Так, в рассказе Натальи Тихоновой есть крайне интересные, уникальные данные, к примеру: «мои бабушки и дедушки и со стороны мамы, и с папиной стороны еще в юности приехали в Москву. В итоге наш «род» живет в Москве уже 100 лет»; «историю своей семьи я знаю с начала 19 века, т.е. примерно за последние 200 лет»; «Я — типичный представитель потомственной разночинной российской интеллигенции — в своем роду я представляю уже четвертое поколение людей с высшим образованием»; «Если же рассматривать не социальный, а этнический состав семьи, то с ним у меня тоже типичная для России картина, т.е. во мне намешана много «кровей» — от немецкой и голландской до эстонской и цыганской, хотя доминирует, конечно, русская».

Действительно, нечасто можно встретить представителей московских семей со сто летней историей, мало тех, кто знает историю своей семьи за два столетия; лишь единицы могут сказать о себе, что среди их родителей, дедушек-бабушек, прадедушек-прабабушек были люди с высшим образованием. Не могу сказать что многие отмечали подобное богатство этнического состава семей.

И все же, моя матрица социо-культурных событий включает такие случаи. Приведу несколько примеров, это — фрагменты интервью с социологами разных поколений:

А. Г. Здравомыслов (I поколение): «Я родился и вырос в русской интеллигентской семье. Мой отец был уже третьим человеком в роду, получившим высшее образование, причем и он, и его отец были выпускниками Петербургского университета; этот же университет окончили и я, и моя дочь. Сама моя фамилия говорит о происхождении из духовного сословия и о незаурядных способностях моего прадеда, который получил эту фамилию по окончании Новгородской духовной академии. Среди моих предков и родственников есть герои обороны Севастополя и 1854–1855, и 1941–1942 годов. Многие из моей родни сложили головы на полях русско-японской, Первой мировой и Великой Отечественной войн. Среди моих предков были князья и дворяне, крестьяне (в том числе крепостные), военные, вплоть до генерал-майора, священнослужители и разночинцы — почти вся Россия».

Я. И. Гишинский (II поколение): «...я закончил 281 среднюю школу в 1952 г. Время «убийц в белых халатах» и «пятого пункта», а мой отец, Илья Яковлевич Гишинский, — и с «пятым пунктом», и в белом халате (врач-невропатолог и научный сотрудник института физиологии АН СССР, канд. мед. наук). Да и двоюродный дядя мой, нарком Гишинский [1], был расстрелян как «враг народа» в 1938 г. <...> Моя мать — Редько Елена Львовна, не просто русская, а русско-украинка. Моя бабушка со стороны матери, урожденная Давыдова, принадлежала к довольно старому русскому роду (увы, связь с гусаром и поэтом Денисом Давыдовым не установлена). Ее отец — мой прадед — был аж старший егерь Его Императорского Величества и проживал с семьей под Питером в Мариенбурге, где были, как говорят, уголья царской охоты. Братья бабушки были частично «золотопогонниками», офицерами русской армии, а потому своевременно сбежали после Великого Октября».

Сымонович Ч. Э. (III поколение): «От старших родственников слышал в среднем детстве, что мой прадед Чеслав Аполлинарий (?) Каэтан (?) Сымонович был родом из шляхты Ковенской губернии. Отец гордился: «Наша фамилия “нобилитирована” в 1768 г.», о чём он-де видел запись в книге дворянских родов этой губернии. Бабушка упоминала, правда не гордясь, ибо гордиться к моменту её рождения в 1889 г., видимо, было уже нечем, что сей прадед оказался железнодорожным служащим во Владикавказе (?).<...> По материнской линии я — правнук Председателя Духовного управления мусульман СССР (в 1924 —36 гг.) Ризаэтдина Фахретдинова. Сей муж был администратором поневоле, сожалея об

отвлечении его от дела его жизни — просвещения масс мусульман, прежде всего Поволжья и Приуралья. Мне, не знающему его языков, приходится принимать на веру утверждения его внучек о сотнях публикаций Ризаэтдина, о мудром исполнении им обязанностей судьи, о десятках томов богословских и востоковедческих рукописей, забранных сразу после его смерти в Центр, где их след затерян. Его сын, а мой дед, Габдулахат закончил Химический ф-т СПб Императорского университета, а в советское время служил в Москве «бухгалтером в наркомате»(?), был репрессирован в 1930-е гг. Его жена, т.е. моя бабка, Фирдоус вернулась в Татарию и сумела дать дочкам — моей матери Эльмире и тётке Деляре, образование. Первая стала врачом, вторая — искусствоведом».

М. А. Тарусин (IV поколение): «Я москвич в пятом поколении, то есть примерно с середины XIX века. <...> Дедушка — потомственный русский дворянин по роду с XVI века, до тех пор предки его были шляхтичи, перешедшие на службу к русскому государю. На улице Немецкой до сих пор стоит особняк, построенный по проекту Казакова, в котором дед провел свое детство. Мать деда была немка из Пруссии, а со стороны отца польская кровь сочеталась с эстонской — бабушка моя родилась в Эстонии. Так что кровей в нашей семье намешано много. Но в России не кровь определяет человека, а принадлежность к земле русской, к ее истории, языку, культуре. Дед, получивший образование в Москве, в лицее для привилегированного сословия, а до этого учившийся в Мюнхене, а потом в Лондоне, был человеком энциклопедических знаний».

А. М. Никулин (V поколение): «По материнской линии я происхожу из поволжских немцев и поволжских украинцев. Я как-то попросил мою бабушку (маму моей мамы) Амалию Давыдовну незадолго до ее смерти рассказать историю нашего рода. Она помнила историю семьи от имени прадеда с 1840-го года. Уже тогда жили мои предки немцы в Покровской Слободе (ныне город Энгельс Саратовской области) и окрестных немецкоязычных селах. Все в этом немецком роду по профессии были или колбасники, или сапожники. Муж бабушки дед Семен был хохол по фамилии Зейко, потом в советском паспорте его фамилию сокращенно записали как Зей. Они поженились в годы гражданской войны, когда в Поволжье царили голод и бандитизм. У Бабушки отец и мать, многие братья и сестры умерли от тифа или погибли в хаосе гражданской войны. <...> Мой отец Никулин Михаил Петрович 1936 года рождения родом из центрально-черноземных крестьян Липецкой области. У них в семье было четверо детей (отец третий по счету), когда в 1941-м из колхоза на фронт призвали его отца и старшего брата, вскоре погибших на войне. Итак, осталась моя бабушка Маша с тремя детьми в то нищее и голодное военное и послевоенное время особенно для крестьян».

В целом, настоящее интервью не только обогащает наши знания об успешно действующих российских социологах, но свидетельствует о логической валидности информации, заключенной в проведенных беседах.

Тихонова Н. Е. : «Я всю жизнь занималась тем, что мне самой было интересно и что я считала важным»

Наталья, Вы по рождению москвичка? Что Вы могли бы рассказать о своих родителях, насколько глубоко Вы знакомы с прошлым Вашей семьи?

Да, я коренная москвичка — мои бабушки и дедушки и со стороны мамы, и с папиной стороны еще в юности приехали в Москву. В итоге наш «род» живет в Москве уже 100 лет.

Историю своей семьи я знаю с начала 19 века, т. е. примерно за последние 200 лет. Это, конечно, не очень много, но все же больше, чем знают о своих предках большинство жителей России. Мне кажется, что в этой истории, как в капле воды, отразилась и история страны в самых разных ее аспектах. Я типичный представитель потомственной разночинной российской интеллигенции — в своем роду я представляю уже четвертое поколение людей с высшим образованием.

При этом жизнь моих пра-пра-пра- была очень разной. Так, один мой прадед мой имел чин тайного советника, а другой был потомственным рабочим на металлургическом заводе Демидовых на Урале. Бабушка со стороны мамы за казенный счет, как особо талантливая студентка, еще в царское время закончила консерваторию и Бестужевские курсы по математике, т.е. сумела в царской России получить два высших образования и впоследствии была математиком. Зато бабушка со стороны папы закончила лишь четыре класса церковноприходской школы, хотя это не мешало ей помогать мне решать наиболее сложные задачи по геометрии даже когда я училась в 6 классе школы.

Если же рассматривать не социальный, а этнический состав семьи, то с ним у меня тоже типичная для России картина, т. е. во мне намешана много «кровей» — от немецкой и голландской до эстонской и цыганской, хотя доминирует, конечно, русская.

О моих предках можно рассказывать много — дед, Константин Терехин¹, был солистом Большого театра, пел, например, князя Игоря, дружил с Лемешевым, с которым их объединяло происхождение и схожесть жизненного опыта. Второй дед был членом Совета солдатских депутатов во время Первой империалистической, основную часть жизни проработал потом на заводе «Серп и молот». Оба принимали активное участие в революции и Гражданской войне, хотя никакого отношения к структурам советской власти впоследствии не имели.

Что же касается родителей, то это замечательные люди, большие патриоты нашей страны. Мама еще совсем молоденькой девушкой в начале войны выступила одним из инициаторов движения «Девушки на фронт» и, начиная с битвы под Москвой, прошла всю войну в роте зенитных пулеметов, охраняла военные аэродромы. Потом с отличием закончила истфак МГУ и всю жизнь была историком. Папа во время войны был еще подростком, учился в хореографическом

---

¹ В книге И. С. Козловского «Музыка — радость и боль моя : воспоминания, письма, статьи, интервью» отмечается: «Певший в “Чио-Чио-сан” и “Князе Игоре” Константин Терехин — первый член Коммунистической партии среди артистов-певцов Большого театра того времени, участник гражданской войны, участник боев, которые вела Первая Конная» [с. 239].

училище Большого театра, а затем работал по полученной в нем специальности сначала в ансамбле им. Александрова. Рассказывать о них можно много, но вряд ли эти «семейные предания» интересны широкой публике.

Главное — все мои предки были очень осмысленно относящимися к жизни людьми с так называемой «активной жизненной позицией».

Как Вы думаете, почему (как) Вашей семье удалось сохранить в памяти прошлое? Может быть мама-историк все собрала или, наоборот, уважение семьи к своему прошлому сделало ее историком?

Мне кажется, что потребность знать откуда тянутся твои корни — это естественная потребность человека. Не думаю, что мама что-то специально собирала, просто в доме было достаточно много старинных фотографий и вещей, и родители рассказывали связанные с ними истории и факты. А историком мама стала не сразу — долго колебалась между деятельностью инженера (и даже поступила в Бауманский, но на первом курсе поняла, что это «не ее»), певицы (и успешно закончила Гнесинское училище) и историей — на ней в конце концов и остановилась.

До школы Вашим воспитанием больше занимались бабушки-дедушки или родители? В какой части Москвы вы жили?

Трудно сказать, кто меня воспитывал до школы — уверенно можно сказать лишь, что и до школы, и в школе мое воспитание было «домашним». Ни детского сада, ни продленок, ни (до 12 лет) пионерлагерей. При этом бабушка с нами (мной и братом) занималась, в том числе и немецким языком; няня, работавшая в свое время няней у моей мамы, а к моему рождению ставшая уже членом семьи, нас с братом кормила и «пилила» за то, что шалим, а ее племянница, специально «выписанная» для этого из деревни, по 6 часов в день с нами гуляла и играла в активные игры. Мама появлялась с работы поздно, обычно в районе 8—9 часов вечера, но авторитет ее был в семье абсолютно непререкаем, а влияние на нас — огромно.

Что же касается того, где мы жили, то это был центр — улица Чехова, прямо рядом с Ленкомом, в одной из наших комнат окна выходили прямо на его стену.

Вы сделали очень интересное примечание о Вашем деду Константине Терехине: слова о нем выдающегося певца Ивана Козловского. А Вы не знаете, как и когда Ваш дед вступил в партию, из какой он семьи?

Дедушка происходил из семьи потомственных уральских рабочих, его предки еще при крепостном праве работали на заводах Демидова. Сам он начал работать на металлургическом заводе еще совсем молодым, в 19 лет (в 2017 году) вступил в партию большевиков, был комиссаром в армии Фрунзе в гражданскую войну. В конце войны был направлен в Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова, известный больше как «Институт красных комиссаров». В эти годы математику там преподавала моя бабушка. Они познакомились и поженились, а в январе 1922 г. родилась моя мама.

Бабушка с ее прекрасным консерваторским образованием поняла ценность дедушкиного голоса и стала заниматься с ним вокалом. Очень скоро дедушка поступил на работу в Большой театр, где и пел потом всю жизнь. Кстати, бабушка продолжала с ним занятия и потом, вплоть до войны, выступала с ним в кон-

цртах как аккомпаниатор. Дедушка вообще был разносторонне талантливый человек. Он, например, прекрасно рисовал, освоил живопись, после него осталось много картин, причем самые удачные из них, на мой взгляд, он написал, когда ему было уже около 80 лет — в них такая щемящая жизнеутверждающая сила чувствуется, которая теперь очень редко встречается. Интересно и то, что свое революционное прошлое дед часто использовал потом в 30-е годы, когда, не боясь последствий, ходил хлопотать за своих знакомых, ставших жертвами репрессий. Например, благодаря его вмешательству удалось вытащить из застенков НКВД мужа бабушкиной сестры, астронома, который еще до революции в 26 лет получил в Санкт-Петербургском университете звание профессора, а впоследствии стал очень известным ученым и академиком не только в СССР, но и в ряде Академий наук других стран мира.

Так приятно читать, от Вашего рассказа веет теплом, уютом, похоже, Наталья, Вам радостно все это вспоминать. Начало 60-х — Вы пошли в школу, наверное, были хорошо подготовлены. Чем запомнились школьные годы?

Спасибо за добрые слова. Мне действительно приятно об этом говорить — это была иная жизнь, до всеобщей коммодификации всего и вся. Окружавшие меня люди обладали истинным чувством собственного достоинства, а самым страшным им казалось потерять уважение к себе. Все текущие жизненные проблемы на этом фоне выступали для них «мелочами жизни». И нас с братом тоже так воспитывали.

Возможно поэтому я довольно спокойно воспринимала и свои более чем пестрые отметки в школе — хотя пошла я в нее, действительно, неплохо подготовленной, книжки по 200 страниц прочитывала за три дня еще до поступления в школу. И главное, что я делала в школьные годы — это читала. Читала непрерывно — в школе на уроках, в транспорте, в кровати под одеялом с фонариком ночью, словом всегда и везде. Няня говорила, что меня нельзя оторвать от книжки как запойного пьяницу от бутылки. Перечитала почти всю классическую русскую и западноевропейскую литературу. Даже у таких неизвестных, но интересных писателей как полька Ванда Василевская или латыш Вилис Лацис прочитала полные собрания их сочинений. Очень полезное, как оказалось впоследствии, это было занятие — и для жизни вообще, и для понимания особенностей жизни общества и его социальной структуры в разных странах и на разных этапах развития.

Нет, конечно, что-то еще тоже при этом делалось — я училась во французской спецшколе, три года отзанималась танцами в Локтевском ансамбле во Дворце пионеров, девять лет — музыкой. Но все это прошло «по касательной». Зато тот единственный раз, когда мне пришлось по поручению пионерской организации брать интервью у ветеранов (в моем случае это оказался бывший узник Бухенвальда), я помню очень хорошо, а встреча с ним оказала на меня глубокое влияние. Очень жаль, что сегодняшние дети лишены таких возможностей «встретиться с историей». Но в целом в коллективе я была, скорее, «белой вороной» и не могу сказать, что слова «школьные годы чудесные» — это обо мне.

Не частый тип воспоминаний о школе, но встречающийся... в диалогах Соломона Волкова с Иосифом Бродским поэт вспоминает, что в какой-то момент школа его «так достала», что он встал на уроке, вышел из класса и навсегда ушел из школы. Жил он,

замечу, в самом центре Ленинграда, на улице Пестеля, в 10 минутах от улицы Чехова. Но Вы, можно думать, школу закончили и закончили неплохо. Не было ли у Вас планов стать филологом, профессионально заниматься музыкой, театром?

Нет, таких планов у меня не было никогда, хотя театр я очень любила. А мое отношение к школе лучше всего передает понятие «внутренняя эмиграция». Во всяком случае мне никогда не было жалко, что школа осталась в прошлом.

Может быть из-за такого отношения к ней, школу я закончила достаточно неровно — вообще-то, у меня выходило к моменту выпуска две тройки (по русскому языку — любила предложения больше чем на полстраницы и вечно ставила в них лишние запятые — и по физике). Но, поскольку остальные оценки были четверки и пятерки, то и эти две для улучшения показателей школы тоже «дотянули» до четырех. В целом средний балл по аттестату у меня был 4,2 (тогда это имело значение для поступления, поэтому запомнилось).

Я, кстати, почти до последнего момента не знала, куда я хочу поступать. Нет, конечно, чтобы не травмировать родителей озвучивалась версия, что я буду поступать на истфак МГУ. Но к экзаменам я не готовилась, хотела их провалить и пойти работать на ЗИЛ — я ведь была очень домашней девочкой, воспитанной в лучших традициях 19 века, и мне хотелось ближе познакомиться с реальной жизнью. Но зимой последнего школьного года сразу несколько человек сказали мне, что философский факультет МГУ будет впервые проводить Олимпиаду по философии. Я поняла, что все — от родителей до одноклассников — ждут моего в ней участия. Спорить не стала, т.к. мне и самой было любопытно, что это такое. Заняла на этой Олимпиаде 3 место. В итоге уже в мае меня также коллективными усилиями отправили на День открытых дверей философского факультета. Там я вдруг перестала чувствовать себя «белой вороной», поскольку там из таких ворон собралась целая стая. Да и то, что рассказывали при презентации факультета, мне показалось очень интересным. И я поняла — это мое. Правда времени на подготовку практически не оставалось, а конкурс в тот год был 25 человек на место. Но на вечернее отделение мне мои баллы поступить позволили, а потом уже я перевелась и на дневное отделение.

А почему, вообще говоря, родители и одноклассники решили, что Вы должны участвовать в Олимпиаде по философии? Что они «такое» подметили в Вас?

Мне сложно ответить на этот вопрос, но, видимо, что-то разглядели. Может быть, то, что я была «белая ворона», подталкивало их к тому, чтобы ассоциировать со мной какие-то экзотические вещи, типа олимпиады по философии. Хотя, правда, я действительно интересовалась тогда философией, но в школе об этом не знали.

Видно, действительно, у Вас было «философическое» (романтическое) представление о жизни, если Вы без совета Максима Горького (он посылал Бабеля, многих молодых писателей на стройки — жизнь познавать) думали о работе на ЗИЛе. Чем Вас встретил философский факультет? Было интересно учиться? Что прежде всего Вас привлекало?

Не согласна, что философическое отношение к жизни — это отношение романтическое. Хотя, конечно, я была тогда со своим домашним воспитанием до чрезвычайности наивной и далекой от жизненных реалий девушкой, но это

касалось скорее представлений о людях, чем отношения к жизни в целом. Ведь философия в переводе — это любовь к мудрости, т.е. это не просто набор знаний, а именно особый стиль мышления, определенное отношение к жизни. На мой взгляд, отношение к жизни, вытекающее из такого понимания философии — это стремление понять реальность вообще и что в ней действительно важно, а что лишь пена на мощном потоке жизни — в частности.

Так что в моем намерении пойти на ЗИЛ не было ничего романтического — я была достаточно умна, чтобы понимать, что практически ничего не знаю о реальной жизни, и хотела попасть совсем в другую среду, поближе познакомиться с незнакомой мне реальностью. То есть это была как бы «экспедиция в реальную жизнь», планируемая вполне сознательно ради сбора информации, а не романтический порыв. ЗИЛ же возник просто потому, что он был больше на слуху — в противном случае это мог бы быть и Завод им. Хруничева или любое другое предприятие.

Что же касается философского факультета, то первыми словами, которые я там услышала, придя 1 сентября на лекцию (это была формальная логика) были: «Я должен прочитать у вас курс логики. Вообще-то логика у человека либо есть, либо ее нет. Но курс я вам все-таки читаю». И уже на первой же паре я ощутила и вкус академической свободы, и прелесть свободного полета мысли, и открытие каких-то новых горизонтов, а не просто изложения новых знаний. А главное — вокруг меня были люди, которым все это тоже было важно, которые хотели понять что-то о сути жизни, а не просто пользоваться ее отдельными возможностями. И это было очень здорово — я как бы оказалась на свежем воздухе после душной комнаты, для меня задул «вольный ветер». Так что учиться было не просто интересно — фактически именно тогда у меня сформировался определенный стиль мышления, были приобретены те базовые знания, которые впоследствии позволяли мне с определенной корректировкой их работать в самых разных областях знаний. И я и до сих пор считаю, что главная задача хорошего университетского образования — это сформировать определенный стиль мышления, а не просто вложить в голову студента некую совокупность знаний.

Я знаю воспоминания о годах обучения на философском факультете Б. А. Грушина, Ю. А. Левады, ряда других философов, учившихся в начале 1950-х. Они отмечали, за редким исключением, высокий уровень идеологичности в подаче и интерпретации философского знания. Аналогичное писала и Т. И. Заславская о преподавании на экономическом факультете. В те годы, когда Вы учились, это было уже не так? Какие разделы философии Вас наиболее интересовали?

Да, мне повезло, в те годы, когда я училась (1970–1975), философский факультет переживал пору своего расцвета. Конечно, и у нас была история КПСС и научный коммунизм (кстати, это были два единственных предмета, по которым у меня были четверки — в отличие от школы, где успеваемость у меня была не ах, попав в интересную для себя проблемную среду, университет я закончила с «красным дипломом»), но изучение их проходило как-то «по касательной» и мало на что влияло. Зато у нас пять лет шла история зарубежной философии, два года — высшая математика, пять лет — логика (формальная, математическая и диалектическая), два года — философские проблемы естествознания, а также психология, философия науки и масса других интересных предметов. В универ-

ситете я занималась соотношением форм движения материи, там же еще 40 лет назад, в студенческие годы, появилась моя первая публикация, посвященная проблемам ноосферы. Меня интересовали также вопросы методологии познания, и я была единственной девушкой, которой уже на 4 курсе предложили пойти в аспирантуру на кафедру диалектического материализма, где и сосредотачивалась тогда разработка этой проблематики. Но интерес к обществу победил, и я в итоге занялась проблематикой, которая теперь называется «социальной экологией».

Вообще говоря, в науке чаще интереснее не предмет исследования, а методология поиска. И я уверен, что к разработке проблематики, называемой сегодня «социальной экологией», Вы подходили примерно также, как если бы сделали выбор в пользу диалектического материализма. И все же, что это была за тематика? Как она оказалась в Вашем поле зрения? Она и стала темой вашей кандидатской разработки?

Не могу с Вами не согласиться — фактически, методология анализа и задает (конструирует) во многом предмет исследования. Здесь диалектическая взаимосвязь: с одной стороны, те задачи, которые Вы ставите перед собой, приступая к исследованию, определяют для Вас «коридор выбора» методологии, а с другой — избранная методология невольно определяет получаемую картину результатов анализа. Так, например, если Вы рассматриваете объект вне связей с внешней средой, то информации о них у Вас в результатах не будет, хотя, возможно, именно взаимодействие изучаемого объекта с его окружением являются наиболее интересным для понимания его сущности и важным для прогнозирования его развития.

Что касается тематики, то меня интересовала с середины 1970-х по середину 1980-х гг. система взаимосвязей и взаимообусловленностей в развитии общества и природной среды нашей планеты. То есть это как раз взаимодействие общества с внешней для него средой, которая, одновременно, выступает его внутренним «я», являясь материальным носителем накопленного богатства развития самого общества (от собственно материальных, включая культурные, ценностей, то человеческого организма, также развивающегося в процессе все еще продолжающегося антропогенеза) и, в этом смысле, опредмечиванием сущности самого общества.

Соответственно, начав с проблематики ноосферы (как в понимании ее Тейяр де Шарденом, так и В. И. Вернадским) я плавно перешла к изучению методологии анализа взаимодействия общества и природы как одной из вариаций взаимодействия разных форм движения материи — и в этом плане мой анализ, действительно, шел в русле традиции диалектического материализма. Кстати, очень много интересного на эту тему, именно в плане методологии, писали Карл Маркс и Фридрих Энгельс — я считаю, что глубже них проблематику взаимодействия общества и природы и до сих пор не анализировал никто.

А в 1980-х годах, уже после защиты кандидатской диссертации по философии, я занялась проблематикой социальной экологии уже через призму глобальных проблем, в частности ограниченности ресурсов разного типа (в контексте традиции, идущей от работ Римского клуба, буквально «гремевших» в 70-е годы прошлого века). Однако во второй половине 1980-х гг. в нашем обществе начались глобальные перемены, и мне стало интересно разобраться в сути происхо-

дящего. Кроме того, к этому моменту мне уже стало понятно все, с чем я хотела разобраться в области социальной экологии, как, впрочем, и весьма печальное в этом контексте будущее человечества. В результате мне захотелось переключиться на более близкую его (человечества) перспективу.

Я согласен с Вашим пониманием единства предмета и методологии, просто мое сегодняшнее понимание методологии, думаю, несколько отлично от Вашего, но это – детали. С середины 70-х по середину 80-х и я занимался экологической проблематикой, но лишь одним аспектом – восприятием людьми окружающей среды на разных ее уровнях. Это была серия исследований, которые проводились в Ленинграде, Эстонии, Литве и Венгрии. Сегодня, сопровождая свои ответы, Вы написали: «Увы – в Институте я практически не бываю, и вообще больше времени провожу за рубежом, чем в России». Почему «увы» и почему за рубежом? Это связано с Вашим текущим проектом?

Если бы я писала о своем сегодняшнем понимании методологии, то оно тоже было бы, конечно, несколько иным. Я описывала тогдашнюю ситуацию глазами себя из «того времени», кстати тогда у меня была даже другая фамилия.

Если же говорить о том, что я по полгода отсутствую в России, то это связано не с каким-либо проектом, а с избранным мной в последние годы образом жизни. Увы – так как это создает с учетом того, что я продолжаю работать сразу в двух местах (НИУ ВШЭ и Институте социологии РАН), довольно много оргпроблем. Потребовалось изменение всего строя жизни, нет возможности так часто, как хотелось бы, видеть близких и т.д. В значительной степени выбор такой модели жизни для меня – вынужденное решение, диктуемое проблемами со здоровьем мужа.

Сил Вам, Наталья... пойдём дальше? Как называлась Ваша кандидатская диссертация, когда Вы ее защитили? Что удалось показать?

Кандидатскую диссертацию я защищала очень давно, еще в феврале 1981 года. Точное название ее сейчас и не вспомню, но предметом ее выступала проблематика анализа взаимодействия общества и природы в творчестве К. Маркса и Ф. Энгельса. Она включала рассмотрение истории их взглядов на эту проблему и методологии анализа диалектического взаимодействия общества и природы. Материала было море Мало кто знает, например, что Маркс специально проштудировал десятки книг по экологической проблематике – от работ, посвященных анализу роли опавшей листвы для биоценоза леса до вклада человеческой деятельности в изменение составов почв в тех или иных странах. Причем он эти книги не просто просматривал, а именно штудировал, оставляя на полях подчас с десятков пометок на одной странице. Очень интересны многие идеи Марксом о роли биологического начала в человеке, соотношении в нем социального и биологического, о причинах и этапах протекания процесса отчуждения человека от природы, предпосылках формирования экологического кризиса и последствиях нарушения экологического баланса для разных групп населения в условиях капиталистического общества («экологической эксплуатации»), а также многие другие, намного обогнавшие свое время.

Работать над этой проблематикой было сложно, но очень интересно. Сложно – потому что, во-первых, в этом вопросе, как, может быть, ни в одном другом Маркс постоянно шел в логике диалектического метода, причем без вся-

ких расшифровок и комментариев, поскольку эти сюжеты при анализе и изложении материала были для него сопутствующими. Соответственно, требовалось немалое интеллектуальное напряжение. А во-вторых, потому, что у Маркса и Энгельса нет работ, специально посвященных этой тематике. Поэтому для восстановления их взглядов, а тем более их эволюции, мне пришлось полностью перечитать все их тексты, включая переписку и черновые наброски, сделать картотеку фрагментов текстов, посвященных интересующей меня проблеме, провести их систематизацию, пересмотреть для полноты картины все книги с их пометками на полях, которые относились к сюжетам взаимодействия общества и природы, все это осмыслить и описать. Как Вы догадываетесь, это была титаническая работа, сейчас сама удивляюсь, как я смогла это сделать, учитывая, что в это время я работала и, к тому же, у меня родился старший сын. Просто было, видимо, уж очень интересно. Погрузиться глубоко в логику работы таких ученых и их систему взглядов — это как дышать чистым морским воздухом после выхлопных газов. Такое же чувство во мне вызывали только работы В. И. Вернадского и З. Фрейда.

Что же касается выводов, то главный вывод, который я для себя сделала изучив взгляды Маркса и Энгельса на эту проблему — что экологическая политика советского государства не имеет ничего общего с марксизмом (как, впрочем, и многое другое в его деятельности). Более того — это закономерный и неизбежный порок существовавшей общественной системы. Соответственно, пытаться изменить это абсолютно бессмысленно — для этого надо менять всю систему. После этого я еще 3—4 года позанималась проблематикой глобальных проблем, а когда мне и с ними, в том числе и перспективами их эволюции все стало ясно, то переключилась на социологическую проблематику.

После защиты Вам предложили работу на Вашей кафедре или Вы сами что-либо новое для себя нашли?

Мне не могли предложить работы на кафедре — если помните, тогда, чтобы преподавать философию в вузах, надо было быть членом партии. А меня в КПСС упорно не принимали, хотя я искренне верила в коммунистические идеалы и хотела вступить в партию отнюдь не по карьерным соображениям. И, кстати, хотя я никогда не была сторонником марксизма-ленинизма (считая его одной из разновидностей утопического социализма), но и тогда, и сейчас считала себя сторонником аутентичного марксизма. Убеждена, что лучшей методологии для анализа общества на макроуровне и до сих пор нет. Другое дело, что аутентичный марксизм как методология очень сложен, для его понимания надо для начала неплохо знать Гегеля и его диалектический метод, и, уже хотя бы только поэтому, реальный марксизм в нашей стране мало кто знает.

Так что, хотя я никогда не голосовала за Зюгановскую компартию, которая никакого отношения к реальной коммунистической идеологии, конечно, не имеет, но считаю, что весь мир идет в предсказанную Марксом сторону — ведь что есть постиндустриальное общество с точки зрения основных его особенностей как не описанный Марксом этап общественного развития, приходящий в эпоху глобализации (в его терминологии — «интернализации») на смену современному ему капитализму (индустриальному этапу общественного развития)? Кстати, для чего надо много мужества и сил — так это для того, чтобы в среде нашей интел-

лигенции, отстаивающей якобы демократию и плюрализм, публично заявлять о своей приверженности марксизму. Видимо, за эту готовность открыто отстаивать свою позицию и иметь ее независимо от внешнего давления меня и не принимали в советское время в партию — тогда ведь таких людей тоже и система, и общество отторгали.

Ваше отношение к марксизму напоминает мне отношение к концептуальному аппарату марксизма «диастанкуров», т.е. членов «Московского методологического кружка»: Б. Грушина, А. Зиновьева, М. Мамардашвили и Г. Щедровицкого. Так, по мнению Мамардашвили, их поколение было лишено информации, лишено связей, но диастанкурам удалось найти в логике «Капитала» материал для анализа, который рассматривался ими как образец интеллектуальной работы. «Это не марксизм, — говорил он, — это текст личной мысли Маркса, текст мыслителя по имени Маркс». Вы в целом согласны с моим допущением?

Да, конечно. Маркс как ученый и как деятель революционного движения — это совершенно разные ипостаси. Маркс как ученый, логика его анализа, разработанная им методология анализа общества и сегодня сохранили свое значение, в том числе — и для внутреннего роста любого ученого в процессе их освоения. Более того — думаю, что Маркс похож в этом отношении на Гегеля. Как применительно к Гегелю можно говорить о более чем спорности разработанной им системы представлений о мире, но вряд ли более-менее образованный человек не оценит по достоинству предложенный им вариант диалектического метода анализа, так и разработанный Марксом метод анализа общества не теряет научной значимости, хотя его конкретная система представлений о мире являлась отражением современных ему реалий и в этом плане, конечно, устарела.

Правда, если говорить конкретно о «Капитале», то, несмотря на его широкую известность, он мне кажется менее интересным, чем подготовительные рукописи к нему. Именно в подготовительных рукописях Маркс писал максимально свободно, полет его мысли, их логика особенно наглядны, а многие мысли, которые он высказывал как бы «по ходу» основного анализа, чисто ассоциативно, особенно интересны. В их числе и мысли об изменении функций свободного времени, о сути азиатского способа производства, о роли науки в будущем обществе и масса других. И это не удивительно — как знает каждый, кто издает свои работы, при подготовке их к печати приходится выбрасывать массу не относящихся к основному предмету анализа сопутствующих идей и прогнозов, а само изложение подстраивать под существующий в науке «дискурс», который, конечно, достаточно быстро устаревает. И чем больше конкретный ученый опережает свое время, тем больше теряют его работы при подготовке их к печати.

Что же касается Маркса, то о нем и его взглядах как ученого у нас вообще сплошь и рядом судят даже не по «Капиталу», который, на мой взгляд, тоже уже во многом устарел, а по «Манифесту Коммунистической партии» — небольшой ранней и заказной, как мы бы теперь сказали, работе, написанной им совместно с Энгельсом для пропаганды среди малообразованных рабочих и на понятном им языке. Так что построенный во многом на этой работе «марксизм-ленинизм» и аутентичные взгляды Маркса — как говорится «две большие разницы».

Как происходило Ваше включение в социологию? Я понимаю, это был конец 1980-х.

Вы правы — мое включение в социологию началось в 1987 году, после того как я в силу чисто личных причин перешла на другую работу и оказалась в одном, сравнительно небольшом коллективе (семь человек) с Андреем Григорьевичем Здравомысловым. Как я уже говорила, я хотела сменить проблематику исследований, в советском обществе начались тогда очень интересные процессы (именно в это время были приняты законы, создавшие основу для развития частного бизнеса — о кооперации, о трудовых коллективах, о центрах научно-технического творчества молодежи, которые тут же начали торговать компьютерами и т. д.). Новая работа давала мне такую возможность.

Кроме того, мне повезло, что мой тогдашний руководитель правильно оценил особенности моего отношения к миру, а также круга моих знаний и интересов, и решил переориентировать меня не на политические (что, по сути, в то время означало выполнение идеологического заказа) проблемы, которыми занималось большинство окружавших меня людей, а на социально-экономическую проблематику. В практическом плане это означало то, что я начала работать «в паре» с Андреем Григорьевичем Здравомысловым над одними и теми же темами, проектами и т.д. Для меня работа с этим действительно выдающимся российским социологом была прекрасной школой. Мы проработали с ним вместе много лет, и даже десятилетий, фактически до самой его смерти. И хотя непрерывная теснейшая работа с ним продолжалась не так долго, всего 4–5 лет, но потом мы еще не раз участвовали в совместных проектах, как внутривосточных, так и международных.

Второй этап моего включения даже уже не в социологию, а в социологическое сообщество был связан с защитой мной в 2000 г. в Институте социологии РАН докторской диссертации. К этому времени у меня вышло уже немало социологических работ — десятки статей в России и за рубежом, ряд коллективных монографий с моим участием и под моей редакцией, индивидуальная монография, на которую, с гордостью могу сказать, достаточно активно ссылаются до сих пор. Тем не менее, в социологии я все еще ощущала себя скорее гостем, чем хозяином. Но на мою защиту пришли как годами не появлявшиеся на заседаниях диссовета «корифеи», так и его завсегдатаи — Грушин, Левада, Ядов, Здравомыслов, Лапин и другие, а Заславская и Гордон были у меня, соответственно, первым и вторым оппонентами. Защита продолжалась больше 3,5 часов, и наши «корифеи» проверяли меня «на вшивость» всеми мыслимыми способами. А когда она успешно закончилась, Андрей Григорьевич Здравомыслов подошел ко мне и сказал: «Ты оценила, кто к тебе пришел и как они себя вели? Радуйся — теперь тебя приняли в этот круг и ты своя в социологии». Именно тогда, а не на своей кандидатской защите, мне стал понятен смысл защиты как определенного обряда инициации и многие особенности процесса защиты, начиная с подготовки к ней, как бы обрели в моей голове свой изначальный смысл. Теперь я пытаюсь объяснить этот смысл молодежи, своим ученикам, что помогает им легче пережить все, связанное с процессом защиты.

Согласен с А.Г. Здравомысловым, который был моим первым социологическим учителем, что тот Совет имел право открывать вход в социологию. Как называлось Ваше докторское исследование и к каким основным выводам Вы в нем пришли?

Вот видите, оказывается мы с Вами птенцы из одного гнезда. А что касается диссертационного исследования, то оно называлось «Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике» и затрагивало довольно обширный круг вопросов.

Если говорить об основных его выводах, то сейчас, спустя 15 лет, я бы выделила среди них прежде всего выводы о том, что для наиболее массовых и низко-ресурсных страт, составляющих примерно 60% россиян, действует только вертикальная система социальных статусов, так как их уровень жизни не позволяет им выбирать тот или иной стиль жизни. Для представителей страт, находящихся выше границы между малообеспеченностью и среднеобеспеченностью, возможна также группировка на основе принципов горизонтальной стратификации. Кроме того, я обратила внимание на тот факт, что в российском обществе уже к концу 1990-х годов сформировалась группа представителей застойной бедности, которые имели отчетливо выраженные особенности не только их экономического положения, но и образа жизни и личностных характеристик. Наконец, в работе было зафиксировано, что верхняя и нижняя страты практически уже оформились к тому моменту в группы со своими субкультурами. Эта ситуация и сейчас, спустя 15 лет с пришедшимся на них во многом кажущимся ростом благосостояния населения, не изменилась.

Был в работе сделан и вывод о том, что в сознании россиян по итогам преобразований 1990-х годов утвердилась такая модель социального устройства российского общества, где основная часть населения противостоит элитным группам, существует сильная социальная дифференциация, а большинство населения сосредоточено в наиболее бедных слоях, а также что эти представления в целом соответствовали реальности. В то же время в ней было показано, что россияне отчетливо понимали, что то время давало поистине уникальные возможности для социальной мобильности, включая как возможность “разбогатеть”, так и возможность “сделать карьеру”, и это выступало в их глазах одним из важных достоинств сложившегося общества, примирявшим их с возникшей глубокой социальной дифференциацией, во многом, к тому же, нелегитимной в их глазах по своим основаниям..

Стали ясны также соподчиненность и основные группы факторов, определяющих как нахождение в составе различных классов, так и характер мобильности. В их числе оказались: 1) факторы, связанные с особенностями рыночной позиции; 2) факторы, связанные с местом работы; 3) факторы, связанные с местом проживания; 4) факторы, связанные с аскриптивными характеристиками; 5) факторы, связанные с особенностями семейного положения; 6) факторы, связанные с социально-психологическими особенностями; 7) факторы, связанные с особенностями поведения; 8) факторы, связанные с особенностями социализации и ближайшим окружением людей. Таким образом, выявленный на основе анализа эмпирических данных список факторов стратификации включал, наряду с макрофакторами (сосуществование двух секторов экономики, региональные особенности и т. п.), также факторы микроуровня, связанные с особенностями отдельных акторов.

Интересным оказалось и то, что часть этих факторов имеют «сквозной» характер действия, т.е. сказываются на месте в социальной структуре представителей всех групп, однако другие, и их относительно больше, имеют локальный

характер действия. Так, для принадлежности к верхним слоям населения среди этих факторов решающую роль играли в 1990-е годы властный ресурс, регион проживания, наличие собственности, в некоторых регионах — квалификация. Для принадлежности к среднему слоям — регион проживания (поскольку различные регионы характеризовали тогда различные темпы, масштабы и глубина рыночных преобразований), а внутри определенного региона — работа в разных секторах экономики, остальные же факторы имели значение прежде всего постольку, поскольку оказывали существенное влияние на работу в разных секторах экономики, причем решающее значение среди этих факторов имели личностные факторы. Для принадлежности к низшим слоям основное значение имел состав домохозяйств, здоровье, пенсионный возраст, в некоторых регионах — факторы, связанные с работой (задержки с зарплатой, нестабильная занятость), но главными среди них в любом случае выступали тип домохозяйства и коэффициент семейной нагрузки.

Отмечу, кстати, что в своей последней книге, вышедшей в 2014 году («Социальная структура России: теории и реальность»), я проверила, в том числе, и как изменились эти факторы и их роль в 2000-е и 2010-е годы, и оказалось, что сейчас картина факторов стратификации существенно иная, чем 15 лет назад, и особого оптимизма происшедшие изменения не вызывают.

После защиты докторской диссертации минуло полтора десятилетия. Как бы Вы охарактеризовали их в целом, какие периоды можно было бы выделить? Стремились ли Вы и удалось ли Вам сконцентрироваться на анализе одной сферы социальных отношений или пришлось мигрировать?

Да, Вы правы, годы эти были непростыми, и заниматься за это время пришлось разными проблемами, хотя стержневой проблематикой для меня всегда оставались проблемы социальной структуры российского общества. С одной стороны, это было связано с тем, что менялось само общество, а, следовательно, и характер его структурирования сохранял как научная проблема свою актуальность. Кроме того, учитывая неоднозначность самой модели стратификации российского общества, обусловленную его многоукладностью (и до сих пор в литературе идут споры о том, какой же является социальная структура России — классовой или это разновидность позднесословных структур, есть и мнение, что можно ограничиться лишь делением россиян на «управляющих» и «управляемых»), интересно было посмотреть как «работают» в российских условиях различные концепции социальной структуры, предлагавшиеся такими гигантами социологической мысли как Маркс и Вебер, а из наших современников — Эриком Oliном Райтом, Джоном Голдторпом и другими. Ведь ни одна научная концепция сама по себе не в состоянии обеспечить получение «истины в конечной инстанции», это всегда не более чем инструменты анализа, в той или иной степени подходящие для изучения интересующей тебя проблемы. А, значит, с учетом того, что показывают разные концепции, можно получить не плоскостную, а объемную картину анализируемого предмета (в данном случае — общей модели структуры российского общества). С другой стороны, многие вопросы, входящие в проблематику социальной стратификации, требовали более деталь-

ного анализа. Поэтому много внимания мне пришлось уделить за последние полтора десятилетия анализу среднего класса в России, ситуации с низшими классами в нашей стране, проблемам динамики факторов стратификации и т.д.

Однако, наряду с проблематикой социальной структуры, была и еще одна тема, которая, войдя в мою жизнь еще в середине 1990-х годов с легкой руки Андрея Григорьевича Здравомыслова, потом уже не отпускала от себя, и ей посвящено за это время не меньше моих работ, чем проблематике социальной структуры. Называть ее можно по-разному — социокультурная динамика российского общества, эволюция нормативно-ценностных систем россиян, этап социокультурной модернизации, переживаемый Россией и т. п. С разных сторон все эти определения, по сути дела, описывают один и тот же предмет исследования. Думаю, на этом поле своих интересов мне тоже удалось кое-что сделать — во всяком случае, судя по данным РИНЦ, публикаций, ссылающихся на мои работы по данному направлению, не меньше, чем по проблематике социальной структуры.

Однако главным, что отличало этот период от предшествующего периода моей жизни, была даже не динамика научных интересов, а появление в моей жизни новой для меня сферы деятельности — работы с молодежью. Не секрет, что 1990-е годы тяжело сказались на российской науке. Фактически мы потеряли в то время целое поколение, и сейчас те, кому от 30—35 до 45—50 лет, в российской науке очень немногочисленны, а уровень их как ученых во многих случаях оставляет желать лучшего. Смотреть на эту картину грустно, хочется, чтобы в науку пришла свежая талантливая поросль. И к 50 годам я, наконец, созрела — таки до осознания того, что надо активно включаться в процесс подготовки молодежи. Не скажу, что до этого я совсем не занималась научным руководством — одна из моих сотрудниц, Надя Давыдова, успешно защитилась еще в начале 2000-х, причем, несмотря на ее трагическую кончину уже более пяти лет назад, на ее работы ссылаются и до сих пор, и не только в нашей стране. Но в целом эта деятельность долго была на далекой периферии моего сознания. В декабре же 2003 г. я после 7 лет отказов согласилась, наконец, на предложение Овсея Ирмовича Шкаратана прийти в Вышку (Высшую школу экономики) и взять там кафедру социально-экономических систем и социальной политики.

Приход в Вышку (причем именно приход, а не переход, т.к. в Институте социологии, который стал моим «вторым домом», я не только осталась, но и объем моей деятельности там не сократился) очень сильно осложнил мою жизнь в организационном плане, но эмоционально принес много радости. Я даже сама не ожидала, что удастся всего за 10 лет подготовить больше десятка действительно высококлассных специалистов, большинство из которых работает теперь в академической науке и имеет, несмотря на свою молодость, не только около полусотни российских, но и ряд зарубежных публикаций в солидных изданиях. И какое удовольствие получаешь, когда видишь, как они «растут над собой», становятся известны в академической среде, публикуют работы, написанные на очень хорошем научном уровне, по которым никогда в жизни не догадаешься, что их авторам не более 30 лет! Не случайно буквально за несколько лет работы в науке их индекс цитирования по РИНЦ достигает уже 14—15 баллов.

В целом могу сказать, что мне в жизни, несомненно, повезло, хотя период моей активной работы пришелся на очень непростое для российской социологии время — мне довелось иметь прекрасных Учителей, я всю жизнь занималась тем,

что мне самой было интересно и что я считала важным, судя по всем признакам мне удалось при этом немало сделать в научном плане и после меня в науке останутся талантливые молодые ребята, которым суждено большое будущее. И хотя в российской культуре не принято гордиться своими достижениями, но могу честно сказать, что мне за свою жизнь не стыдно, даже если больше мне уже ничего не удастся сделать.